

О ТАЙНЕ ИСПОВЕДИ И СВИДЕТЕЛЬСКОМ ИММУНИТЕТЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Проблема регулирования участия священнослужителя в уголовно-процессуальных отношениях и наделения его свидетельским иммунитетом относится к числу дискуссионных и спорных. Действующее процессуальное законодательство данный вопрос регламентирует не последовательно, без учета сложившихся реалий времени. Следует отметить, что не во всех конфессиях имеется таинство покаяния, а, следовательно, и отсутствует само понятие тайны исповеди. Между тем, сложившийся законодательный подход к решению вопроса об освобождении священнослужителя от дачи показаний учитывает только священнослужителей тех конфессий, где тайна исповеди рассматривается как одно из таинств церкви.

Исследование выявило особенности участия священнослужителя в общественных отношениях, в том числе уголовно-процессуальных, которые регулируют особую сферу – сферу производства по уголовному делу. Уголовно-процессуальные отношения специфичны по своей природе, для них характерно ярко выраженное публичное начало. Однако учет интересов частных не менее важен для регулирования. Отчасти это происходит посредством запрета на допрос священнослужителя об обстоятельствах, которые ему стали известны из исповеди.

Между тем, существует несколько проблем: во-первых, не во всех конфессиях существует тайна исповеди; во-вторых, не все религиозные организации, где осуществляют службу священнослужители, прошли государственную регистрацию; в-третьих, ст. 56 УПК РФ сформулирована таким образом, что предоставляет преимущества верующим христианских конфессий, что нарушает принцип равенства всех перед законом и судом по признаку религиозной принадлежности.

Итогом исследования стало предложение об изменении действующего уголовно-процессуального законодательства с учетом выявленных проблем и противоречий. В частности предлагается дополнить п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ следующим уточнением:

- священнослужитель религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию,
- об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди или обрядов схожих с покаянием.

Ключевые слова: тайна исповеди, свидетельский иммунитет священнослужителя, отказ от дачи показаний, религиозные организации.

Во все времена вопросы о роли религиозных культов в жизни людей, соотношении религии и права, религии и государства относились и относятся до настоящего времени к наиболее сложным аспектам. Не случайно на протяжении многих тысячелетий философы, социологи, психологи, юристы уделяли изучению этого вопроса большое внимание.

Еще Платон, рассматривая роль «идеального государства», считал его «покровителем религии, призванным формировать у граждан благочестие и противостоять нечестивцам» [14, с. 289].

Гегель подразделял религию на дело разума и памяти и дела сердца. Он писал: «Когда я говорю о религии, то я решительно абстрагируюсь от всякого научного или, скорее, метафизического познания бога, нашего отношения к нему и отношения всего мира и т.д. Религии приходится теперь быть позитивной, иначе вообще не будет никакой религии» [3, с. 53, 92].

В социологии разработано целое направление – социология религии. Данная отрасль соци-

ологии изучает связь религии и общества, историю этих отношений, различные религиозные практики. Известный американский социолог Герхард Ленски понимает религию как «один из факторов воздействия на человека наряду с другими социальными факторами» [10, с. 68].

Психологи рассматривают религию в качестве психологического феномена, основой которого является сознание человека. А. Darmanin признавал взаимную комплиментарность психологии и религии, и наличие социального промежутка между ними [4, с. 81–89].

О.Ю. Васильева и ряд других авторов считают, что «задачи религиозной политики Российской Федерации в правовой сфере сводятся к обеспечению конституционного права личности на свободу совести и свободу вероисповедания; совершенствованию законодательства в области реализации свободы вероисповедания; приведению в соответствие федерального и регионального законодательств с учетом особенностей религиозной ситуации в субъектах Российской Федерации; регистра-

ции религиозных объединений и контролю за их уставной деятельностью» [18].

Таким образом, большинство исследователей соотношения религии, общества, государства и права с древнейшего и до настоящего времени подчеркивали особую ее роль в жизни общества, отдельного человека, в необходимости правового регулирования складывающихся общественных отношений.

Участие священнослужителя в общественных отношениях, регулирование этих отношений посредством норм права являлось на протяжении тысячелетий неотъемлемым элементом участия служителей культа в формировании правовых предписаний, обеспечивающих их участие в таких отношениях. Велика их роль была в древнем Египте, Риме, средневековой Европе, восточных деспотиях. Особое место было отведено служителям культа и при отправлении правосудия. В частности, изучая эти вопросы, Ж. Бернарди так описывает участие служителей культа в отправлении правосудия. «Жрецы были хранителями законов, также на это указывает и имя, которое они носили (*pretres*), и правосудие было доверено им, чтобы оно исходило от божества, которое демонстрировало свою волю при их посредничестве» [1, с. 4]. В средневековой Европе, например, служители культа могли не только вынести смертный приговор, но и обладали правом на выдачу индульгенций, стоимость которой зависела от тяжести совершенного проступка или уголовного преступления, правовые предписания того времени находились под мощным влиянием церкви и ею диктовались.

Со временем роль служителей культа и церкви в регулировании общественных отношений была значительно снижена, во многом она утратила свои лидерские позиции, а священнослужители превратились исключительно в лиц, которые вносят в основном морально-нравственную составляющую в общественные связи. Этот процесс был характерен для стран Европы, России и некоторых других государств.

Регулирование общественных отношений, в которых участвуют священнослужители, на разных этапах развития общества предопределялось отношением светской власти к власти

церковной. Данное регулирование отражало участие в общественных отношениях священнослужителей и представителей светской власти, иногда тесно переплетая такие отношения, а иногда создавая непреодолимые препятствия. Все это отражалось в правовых предписаниях, устанавливающих отношение государства к служителям культа и к религии вообще. По большей части вопрос о свободе вероисповедания – это вопрос мировоззренческий. Однако тесная связь религии, морали и права вынуждала и вынуждает регламентировать нормами законодательства складывающиеся связи.

В Российской Федерации 26 сентября 1997 г. был принят федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях». Определяя цель принятия данного федерального закона, в его преамбуле содержится следующее указание:

Федеральное Собрание Российской Федерации, подтверждая право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений, основываясь на том, что Российская Федерация является светским государством, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, принимает настоящий Федеральный закон [16, ст. 4465].

Этим законодатель подчеркнул особое место религии как части исторического наследия народов России, необходимости сохранения данного наследия и создания условий для этого.

Содержащиеся в ч. 7 ст. 3 предписания, рассматриваемого нами закона, предусматривают охрану тайны исповеди, которая запрещает привлекать к ответственности священнослужителя за отказ от дачи показаний об обстоятельствах, которые ему стали известны из исповеди. Аналогичное положение было заложено и в Уголовно-процессуальный кодекс, который был принят в 2001 г. Статья 56 в ч. 3 устанавливает запрет на допрос священнослу-

жителя об обстоятельствах, которые ему стали известны из исповеди.

Проблема наделения священнослужителя правом свидетельского иммунитета и исключения его из числа лиц, которые могут быть допрошены в качестве свидетеля по уголовному делу, вызывает немало споров до сих пор. История вопроса - это история развития христианства.

В VI веке было установлено правило – обязательство соблюдения молчания обо всех обстоятельствах, которые были раскрыты священнику в процессе реализации одного из семи таинств церкви – тайны исповеди. Данное правило распространялось на всех христианских священнослужителей, и относилось к наиболее строгим правилам, установленным церковью.

Известный христианский философ Фома Аквинский в своих трудах назвал тайну исповеди «печатью молчания» – *sigillum confessionis*. Именно благодаря учению Фомы Аквинского появился запрет на разглашение тайны исповеди, распространенный на всех священников. Нарушивший печать молчания священнослужитель подвергался согласно ст. 21 IV Лютеранского собора наказанию в виде заключения в монастырь строжайшего ордена. Аналогичное наказание было предусмотрено и в буллах папы Клементя VIII 26.05.1594 года. Подобный запрет на разглашение тайны исповеди был предусмотрен Русской православной церковью. «Номоканон при требнике 1662 года запрещал разглашать сведения, оглашенные при исповеди. Исповедь (покаяние) – одно из семи христианских таинств. Оно совершается в католических и православных церквях и состоит в том, что верующий исповедует в своих грехах священнику, после чего тот отпускает (прощает) ему от имени Бога» [17, с. 334]. В период правления Петра I положение с тайной исповеди изменилось. Печать молчания уступила место для ряда исключений. Это было отражено в Духовном Регламенте, который был дополнен некоторыми правилами. В «Наставлении о должностях пресвитеров приходских» (1765–1775 г.) было установлено, что тайна исповеди не подлежит разглашению ни перед каким-либо лицом. В то же время положения, содержащиеся в ст. 11 и 12 Духовного Регламента, а также в ст. 828

Устава евангелическо-лютеранской церкви, согласно которому священник не только не допускал ко святому причастию лицо, но и обязан был сообщить в соответствующие структуры о грозящей опасности монарху, императорскому дому или государству.

Тайна исповеди нашла свое отражение и в процессуальном законодательстве многих европейских государств и России. В ст. 378 Уголовно-процессуального кодекса Франции предусматривалось освобождать священников от дачи показаний об обстоятельствах, ставших им известными из исповеди. То же было предусмотрено § 52 Германского императорского Устава судопроизводства уголовного. Статья 371 Устава уголовного судопроизводства России запрещала допрашивать священника об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди. Таким образом, действовавшие во времена Петра I законодательные положения были изъяты из процессуального оборота.

Современное процессуальное законодательство определяет невозможность допроса священнослужителя об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди. Проведенное нами анкетирование и интервьюирование 574 практических работников выявило неоднозначное их отношение к свидетельскому иммунитету священнослужителей. Часть из них, примерно 36,5 %, стоит на позициях возможности допроса священнослужителя об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди, по делам об актах терроризма, по иным тяжким преступлениям (из них адвокатов – 23 (22,1%); прокуроров – 29 (45,3%); следователей – 135 (69,6%)). Другая часть (55,9 %) указывает на то, что имеющийся законодательный запрет однозначно содержит императивное предписание на невозможность допроса этих лиц (из них адвокатов – 75 (72,1%); прокуроров – 31 (48,4%); следователей – 32 (16,5%)).

Из 212 опрошенных нами судей, 23 судьи, ссылаясь на предписания, содержащиеся в постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ, по аналогии с возможностью допроса адвоката при определенных условиях, допускают такую возможность и в отношении священнослужителя. Они указывают, что если лицо, доверившее на исповеди священнослужителю какие-то сведения,

желает придать их гласности, то допустимо действовать исходя из общего конституционно-правового смысла предписаний закона, а именно в этом случае есть возможность допроса священнослужителя в качестве свидетеля по уголовному делу. Этому мнению придерживаются порядка 10,8 % опрошенных. 2,8 % затруднились высказаться по этому вопросу. Из изученных нами уголовных дел случаев допроса священнослужителей не выявлено.

Такое же неоднозначное мнение и среди исследователей. В частности, Ю.В. Францифиров, например, считает, что «священнослужитель по собственному усмотрению может содействовать следствию для оказания помощи в раскрытии преступления, но не в виде дачи собственных показаний о сведениях, услышанных на исповеди, а убеждением виновного дать показания следователю, что не будет противоречить ни нравственным, ни юридическим законам» [21, с. 48].

Однако с позицией автора трудно согласиться. Убеждение виновного можно рассматривать как определенное воздействие на него хотя и не со стороны правоохранительных органов, но лиц, на которых, по сути, будет возложена обязанность это делать, – священнослужителей. Это недопустимо не только с точки зрения основ канонического права, но и с точки зрения уголовно-процессуального законодательства.

Другие авторы, в частности, В.Е. Евсеенко предлагают распространить позицию, изложенную в некоторых постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ, касающиеся свидетельского иммунитета адвокатов и возможности отказа от него при согласии на разглашение таких сведений со стороны подзащитного и на священнослужителя при получении соответствующего согласия на это со стороны лица исповедовавшегося [6, с.191–192]. Применять по аналогии предписания, содержащиеся в постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ, ко всем отношениям, на наш взгляд, неверно.

Некоторыми авторами была высказана еще более радикальная позиция. «Тайна исповеди установлена религиозными канонами, а не государственными нормативными актами, церковь отделена от государства и нарушение

профессиональной обязанности священника, не может оцениваться по меркам светского государства. [20, с. 684]. По рассуждению данных исследователей получается, что государство вообще не должно нести никакой ответственности за нарушение тайны исповеди, т.к. соответствующих санкций в законе не предусмотрено. По их мнению государство должно лишь обеспечить потенциальную возможность священнослужителям осуществлять канонические обряды.

Нами отстаивается точка зрения о том, что круг сведений, доверенных на исповеди священнослужителю, не подлежит разглашению. Эти нормы проистекают из норм канонического права, где предусмотрена обязанность священнослужителя свято хранить тайну исповеди. Эти предписания не только уважаются людьми верующими, «религиозные обряды имеют значение священной ценности» [5, с. 614] для них. Именно поэтому запрет на допрос священнослужителя следует рассматривать в качестве необходимого условия уважительного отношения к религиозным чувствам верующих.

По мнению Д. Татьяна и Л. Закировой, если «священник может и готов способствовать раскрытию преступлений, следует сделать исключение, позволяющее раскрывать тайну исповеди в интересах уголовного процесса. В интересах государства создать условия для священников, чтобы он мог безбоязненно сообщать информацию, ставшую ему известной из исповеди, касающейся преступления, без опасения наказания со стороны церкви». И далее авторами отмечается, что «это потребует и изменения церковного законодательства. В условиях отделения церкви от государства не представляется возможным в нарушение канонических норм склонить церковь к соответствующему изменению внутреннего законодательства» [19, с. 141]. Рассуждая далее, авторы предлагают наделить священнослужителя, сотрудничающего с правоохранительными органами, «иммунитетом от наказания по каноническому (церковному) праву за разглашение тайны исповеди». Ими указывается, что «целесообразно внести поправки и дополнения в УПК РФ таким образом, чтобы у священника была гарантия, что при сотрудничестве с правоохранительными органами церковь его не накажет» [19, с. 141].

Данное предложение не ново для теории уголовно-процессуального права. Еще в 1995 г. Г. Королев предлагает священнослужителю убедить человека, пришедшего исповедоваться признать в совершенном им преступлении, или, если такой вариант невозможен «отказаться от своего сана и как полноправный гражданин избличить преступника» [7, с. 30].

Такой подход был подвергнут справедливой критике. В частности, В.Л. Будников в своих работах отмечал, что «вряд ли советы подобного рода можно признать правильными – и не только с моральной точки зрения. Исповедь и услышанные в этот период сведения имеют место во время действия сана священнослужителя, даже лишившись которого, он не имеет права разглашать полученную информацию» [2, с. 17].

Нами полностью разделяется данное мнение. Но попытаемся обосновать ее более подробно. Подход, предложенный рядом авторов к решению рассматриваемого вопроса, не позволит реализовать положения, содержащиеся в федеральном законе от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях». Тайна исповеди – это одно из таинств церкви. «Под исповедью можно понимать форму реализации права на свободу вероисповедания, при которой личность, соблюдая установленный ритуал, доверяет священнослужителю сведения о своей личной жизни, рассчитывая при этом на оценку священнослужителем этих сведений с точки зрения их соответствия требованиям веры, божественному идеалу, нормам права, социальным нормам» [12, с. 25–26]. Для людей верующих приобщение к таинствам церкви является священнодействием. Само слов таинство происходит от однокоренного – «тайна» и предполагает сохранение этих процедур от посторонних лиц, их недоступности для последних. Законодателем это было учтено при формировании законодательных предписаний устанавливающих отношение государства к церкви.

Отмечая важность запрета на допрос священнослужителя о тайне исповеди в уголовном процессе, А.Ф. Кони рассуждал: «Закон строго поддерживает церковное правило, обнародованное у нас в 1775 году: «Да блюдет пресвитер исповеданного греха никому да не

откроет, ниже да не наметит в генеральных словах или других каких приметах, по точию, как вещь запечатленную держит у себе, вечному предав молчанию». Им отмечается, что «священник, вещающий кающемуся: «Се Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое, не усташимся, ниже убойся и да не скроеши что от мене, но не обвиняя рцы вся, да приемлеши оставление от господа, от него же точию свидетель есмь, да свидетельствую пред ним вся, елика речеши ми» и затем отпустивший ему грехи, не может уже являться обличителем пред судом земным. Здесь возможность раскрытия преступного дела и установления вины приносится в жертву необходимости сохранить высокое и просветляющее значение исповеди. И закон тысячу раз прав, не допуская искажения таинства покаяния обращением его во временное и случайное орудие исследования преступления! Прав он и в том, что проводит свое запрещение допрашивать священника о тайне исповеди последовательно и неуклонно, не соблазняясь возможностью лукаво представить ему лишь отказываться отвечать на такой допрос. Нравственные требования — этот категорический императив Канта — должны быть ставимы твердо и безусловно, не оставляя выхода ни для психического насилия, ни для малодушия» [8, с. 53–54].

А.Ф. Кони большое внимание уделял нравственной составляющей тайны исповеди в уголовном процессе, подчеркивая важность данных предписаний как для канонического, так и для светского (уголовно-процессуального) законодательства.

Нравственная составляющая тайны исповеди, по мнению А.Ф. Кони, основывается на уважение прав личности.

На нравственную составляющую тайны исповеди указывала и З.В. Макарова. Ею, в частности, подчеркивается, что «к тайне частной жизни относится тайна исповеди, из которой не должно быть никаких исключений и ограничений, как это предлагается в литературе (Н.Кипнис, Г. Королев), так как отношения между верующим и священнослужителем - особые отношения, основанные на безграничном доверии к священнослужителю и «вламываться» в эти отношения, разрушать их – кощунство» [11, с. 36].

К предоставлению права отказаться от дачи показаний ввиду содержащегося запрета на разглашение тайны исповеди следует подходить очень внимательно и с большой осторожностью.

На сегодняшний день растет число преступлений против личности, террористических актов, захватов заложников и других преступлений, направленных на дестабилизацию общества. В связи с этим встает правомерный вопрос о необходимости сохранения тайны исповеди и допущение гибели множества людей или предотвращения тяжких преступлений, о которых стало известно священнослужителю в процессе совершения таинства покаяния. Данный вопрос не только важен для священнослужителя, но он не менее значим и для юристов.

Вполне резонно задается вопросом А. Пчелинцев: «Какой нравственный выбор должен сделать священнослужитель в сложившейся непростой жизненной ситуации, когда возникает конфликт интересов между его духовным (профессиональным) и гражданским долгом?» И далее рассуждая над своим вопросом, отмечает, что «не случайно в современных социальных учениях и позициях крупнейших российских конфессий содержится призыв о необходимости быть законопослушными гражданами земного отечества, следовать государственным законам, а право на жизнь рассматривается как священный дар» [15, с. 58–61].

Раздел IX Основ социальной концепции Русской Православной Церкви содержит следующее указание: «Даже в целях помощи правоохранительным органам священнослужитель не может нарушать тайну исповеди. Священнослужитель призван проявлять особую пастырскую чуткость в случаях, когда на исповеди ему становится известно о готовящемся преступлении. Без исключений и при любых обстоятельствах свято сохраняя тайну исповеди, пастырь одновременно обязан предпринять все возможные усилия для того, чтобы преступный умысел не осуществился. В первую очередь это касается опасности человекоубийства, особенно массовых жертв, возможных в случае совершения террористического акта или исполнения преступного приказа во время войны. Помня об одинаковой ценности души потенциального преступника

и намеченной им жертвы, священнослужитель должен призвать исповедуемого к истинному покаянию, то есть к отречению от злого намерения. Если этот призыв не возымеет действия, пастырь может, заботясь о сохранности тайны имени исповедующегося и других обстоятельств, способных открыть его личность, предупредить тех, чьей жизни угрожает опасность. В трудных случаях священнослужителю надлежит обращаться к епархиальному архиерею» [13, с. 52, 53].

Однако считаем перенесение на светскую законодательную почву основ канонических предписаний (как предлагается некоторыми авторами) было бы не верно, тем более возлагать на священнослужителя юридическую обязанность по разглашению тайны исповеди для предотвращения тяжких и особо тяжких преступлений. Данный вопрос требует взвешенного, продуманного и социально ответственного решения, которое не подрывало бы основ государства и церкви, выступающей в большинстве своем как объединяющая сила. Именно это было отражено в процитированных нами Основах социальной концепции Русской Православной Церкви.

По правильному замечанию многих исследователей не все религиозные течения признают тайну исповеди и таинство покаяния. В частности в своих работах Н.М. Кипнис отмечает, что «протестантизм, в отличие от православия и католицизма, не признает мистического смысла церковных таинств; в большинстве протестантских течений совершаются лишь крещение и причастие, которые рассматриваются просто как символические обряды, не отличающиеся от всех других» [9, с. 48]. При таких обстоятельствах говорить о том значении тайны исповеди, которое отводится этому таинству церкви в католических и православных течениях христианства, в протестантских направлениях было бы не совсем корректно. Прав Н.М. Кипнис, указывая «что если служитель не католического и неправославного вероисповедания будет отказываться от дачи показаний, ссылаясь на тайну исповеди, суд не должен расценивать такой отказ как правомерный, если свидетель не докажет, что исповедуемая им религия признает тайну исповеди. Разумеется, целесообразно решить данный вопрос в законе» [9, с. 48].

Эту проблему следует рассматривать через призму принципа равенства всех перед законом и судом. Следует отметить, что согласно ч. 1 ст. 19 Конституции РФ все равны перед законом и судом. Согласно ч. 2, указанной конституционной нормы: запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности. В силу ст. 56 УПК РФ не подлежит допросу в качестве свидетеля священнослужитель об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди. Однако исповедь как одно из таинств церкви предусмотрена и известна только христианским конфессиям, что предоставляет преимущества в уголовном судопроизводстве верующим данных конфессий. Что касается верующих других вероисповеданий (буддизма, ислама, иудаизма и др.) данный вопрос законодателем не решен.

Данные, полученные уважаемыми исследователями, подтверждают необходимость законодательного урегулирования права священнослужителя иных конфессий отказаться от дачи показаний о сведениях, ставших ему известными из исповеди, если обряд покаяния предусмотрен для данного религиозного течения.

Современное развитие общественных отношений породило огромное количество различных религиозных и псевдорелигиозных организаций и братств. Некоторые из этих общин прошли государственную регистрацию, другие такой процедурой не воспользовались. В процессе производства по уголовному делу

возникает правомерный вопрос о статусе такой организации, статусе и сани служителей культа, и наделении их правом совершения различных церковных обрядов. Действующее уголовно-процессуальное законодательство, к сожалению, не содержит не только указания на принадлежность организации к числу зарегистрированных или нет, но и иных толкований.

По нашему мнению, необходимо приведение уголовно-процессуальных предписаний в соответствие с истинным положением дел. Правило, предусмотренное в ч. 3 ст. 69 ГПК РФ, распространяется только на священнослужителей религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию. УПК РФ такой оговорки не содержит. Поэтому заслуживает всяческой поддержки предложение А. Петуховского о введении данного положения в УПК РФ.

С учетом выдвинутых нами предложений, необходимо дополнить п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ следующим уточнением:

– священнослужитель религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию, – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди или обрядов схожих с покаянием.

Предложенный нами подход решения рассматриваемого вопроса позволит создать условия для сохранения тайны исповеди и, в то же время, не даст возможности недобросовестным участникам процесса воспользоваться недостаточно четкой регламентацией данных отношений.

25.12.2014

Список литературы:

1. Bernardi J. E. De l'origine et des progrès de la législation française ou histoire du droit public et privé de la France, depuis la foundation de la monarchie jusque et compris la revolution. Paris, 1816.
2. Будников В.Л. Иммуниет свидетеля в уголовном процессе [Текст]: лекция / В.Л. Будников. – Волгоград: из-во Волгоград. гос. ун-та, 1998.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2-х т. / Вступит. статья А.В. Гулыги. - М., 1970-1971. - Т. 1.
4. Darmanin A.: Psychology and religion. Melita Theologica, 1988, Vol.39 (2).
5. Де Сальвиа, М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / М. де Сальвиа. – СПб.: изд-во «Юридический центр Пресс», 2004.
6. Евсеенко В.Е. Тайна исповеди в российском уголовном судопроизводстве. / Международный научно-практический журнал «Общество и право». 2014. № 2.
7. Королев Г. Тайна исповеди в уголовном процессе // Российская юстиция. 1995. № 2.
8. Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. - М., 1967. - Т. 4.
9. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 1995.
10. Lenski, G., The religious factor, Garden City, N. Y.: Doubleday, 1961.
11. Макарова, З. В. Гласность уголовного процесса: Концепция и проблемы развития: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. - Екатеринбург, 1996.
12. Мельников В.Ю. Свидетель в уголовном процессе России // Адвокатская практика. 2011. № 2.
13. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень. Отдел внешних церковных связей Московского патриархата. 2000. N 8. С. 52, 53.
14. Платон. Сочинения: в 3 т. - М., 1968. - Т. 1.

15. Пчелинцев А. Абсолютна ли тайна исповеди. / Законодательство и экономика. 2011. N 5.
16. Российская Федерация. Законы. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон [принят Гос. Думой 19 сентября 1997 г.: одобр. Советом Федерации 24 сентября 1997 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. - N 39. - ст. 4465.
17. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти томах / под ред. Б.В. Виленского. – М.: Юрид. литр., 1991 - Т. 6.
18. Справочно-информационный портал «Религия и СМИ» // [Электронный ресурс]: - Режим доступа: www.religare.ru.
19. Татьяна Д., Закирова Л. Проблемы тайны исповеди в уголовном процессе России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3.
20. Трофимова В. Е. Понятие и содержание личной и семейной тайны [Текст] / В. Е. Трофимова // Молодой ученый. 2013. №12.
21. Францифоров, Ю.В. Противоречия уголовного судопроизводства: автореф... дисс... д-ра юрид. наук. - Н-Новгород, 2007.

Сведения об авторе:

Волосова Нонна Юрьевна, заведующий кафедрой уголовного права
Оренбургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

460000, г. Оренбург, пр-т Победы, 141, ауд. 7407, тел. (3532) 912166, e-mail: kafedra_up.osu.ru